

Д. Н. Маслюженко, С. А. Дружкова

НОРВЕЖСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Спор России и Норвегии о северной границе имеет давнюю историю и уходит своими корнями в X столетие, когда начиналось активное освоение новгородцами северных территорий — Лапландии и Финмаркена. По мере заселения северных земель русскими часть коренного населения (саамы, кочевники-оленеводы) не была ассимилирована, а мигрировала выше на Север, но не перестала считаться подвластной Новгороду. Саамы, вероятнее всего, расселились у западного и северного берегов Белого моря и вдоль Северного Ледовитого океана, но в каких именно местах — неизвестно, так как в те времена при бытовавших смутных географических понятиях отдаленные места в этой обширной и пустынной области не имели названий и границ. Под общим наименованием Заволочья понимали, вероятно, не только область, лежащую между реками Онегой, Северной Двиной и Мезенью, но и все западное и северное побережье Белого моря и Ледовитого океана¹.

Очень важен вопрос о том, как же Новгород относился к этим переселенцам после того, как они покинули подвластные ему земли и поселились в Лапландии и Финмаркене, так как именно на этих отношениях Россия и Норвегия основывали свои права на эти земли.

Необходимо иметь в виду, что, стремясь к расширению своих владений на высоком пустынном Севере, новгородцы, как и норвежцы в X веке, имели в виду не столько присоединение новых земель, сколько подчинение населения этих областей. Свободной земли было много, и потому сама территория высокого Севера их мало интересовала; населением же дорожили как источником дохода — плательщиком дани. Следствием этого, по мнению

А. Кааран, было то, что взимаемая с этого населения дань не была привязана к местности его проживания, а имела характер личного налога или поголовной подати. Следовательно, обязанность ее платить не прекращалась и после переселения жителей в другое место, хотя бы и лежавшее вне пределов государства, подчинившего данное население. Поэтому Новгород, а потом и Москва продолжали брать дань с переселившихся в Лапландию и Финмаркен².

В 1380 году была заключена Датско-норвежская уния, которая стала основой для Кальмарской унии 1397 года и дальнейшего подчинения норвежских территории датской короне. С этого времени норвежский вопрос во взаимоотношениях Московского государства и Датского королевства на многие годы становится одним из важнейших.

То, что русские долгое время ездили за данью в, казалось бы, далекие норвежские земли, подтверждают исторические источники. Норвежские и датские исторические акты свидетельствуют, что некоторые жители Тромсэского и граничащих с ним округов еще в конце XVI столетия платили дань московскому царю. Так, в инструкции датского короля Христиана IV королевскому наместнику в Норвегии от 1 августа 1598 года читаем: «Король осведомился, что в ленах Салтен, Сениен и Тромсэ некоторые финны платят дань шведам, а другие — великому князю (московскому царю). Ввиду этого предписывается этим финнам, чтобы они впредь подобной дани не платили»³.

С 1571 года в русско-датской дипломатической переписке начинают фигурировать регулярные письма с протестами против продвижения русских «в норвежские пограничные места»⁴. Письма эти доставлялись ко двору московского царя с датскими гонцами, однако и великие послы во время пребывания в России со своими миссиями не упускали случая поднять этот спорный и очень важный для обеих сторон вопрос. Так, датский посол Яков Ульфельдт в 1578 году жаловался Ивану IV (Грозному) «на россиян, поселившихся на норвежских к городу Варгачу принадлежащих землях»⁵. В ответ московский князь пообещал «споры о Лапландской земле разобрать высланными к Петрову дню границу обоюдными межевыми судьями»⁶. Однако этот вопрос, по-видимому, не был улажен, так как через несколько лет спор о границе продолжается.

Продвижение далее на запад, особенно на те территории, которые «по старине» принадлежали новгородской республике (а потом, соответственно, и Московскому государству), на наш взгляд, в условиях выхода Московии на европейскую политическую арену преследовало несколько целей.

Во-первых, повышение национального престижа. Уступить Дании или любому другому государству в аналогичном споре означало умалить «государеву честь», которая на тот момент была неотделима от государственной; при этом чем больше территория, тем больше престиж. Иван IV (Грозный) был первым русским правителем, который принял царский титул, а это влекло за собой необходимость признания нового титула и территорий, которые в него входили, соседними государствами. Во-вторых, присоединение новой заселенной территории увеличивало число налогоплательщиков в государстве.

В 1585 году датский гонец Юрий Индриков доставил Ивану IV (Грозному) королевскую грамоту с требованием сноса недавно возведенного острога в городе Кола, однако московский царь выдвинул аналогичные встречные претензии на эту территорию. Вплоть до 1596 года Дания настаивала на съезде на границе межевых судей, но встретиться у них не получилось, что также являлось поводом для претензий сторон друг другу⁷. Складывается впечатление, что при Иване IV (Грозном) вопрос о размежевании границы с подконтрольной Дании Норвегией игнорировался московской дипломатией.

Прогресс в решении вопроса наметился лишь в 1602 году, когда Борис Годунов и Кристиан IV договорились о новой границе — Лопарскую землю решили разделить пополам от озера Андигера к морю до Треноса, однако планы спутала смерть великого датского посла «реченного королевича Ягана»⁸. В 1603 году в Данию было отправлено московское посольство во главе с думным дьяком Афанасием Власьевым. После долгих и непримиримых споров о Лапландской земле А. Власьев сказал: «Колский острог, Варгуза и Кандалакша, да и вся Лопская земля с самого начала к Новгороду, а следовательно, России принадлежала, чего и уступить никогда государь не согласится»⁹. Кроме того, последующая смерть Бориса Годунова и наступившее Смутное время на долгие годы отодвинули на задний план решение вопроса о русско-норвежской границе, что в свою очередь развязало руки датской короне в борьбе за северные территории.

Таким образом, разрешение древнего спора о русско-норвежской границе в конце XV — начале XVII века между Россией и Данией затрагивало национальные интересы обеих стран, поступиться которыми на данном этапе времени означало бы умалить честь и достоинство государя и государства. Однако в связи с наступившим Смутным временем решение вопроса о размежевании русско-норвежской границы было отложено на долгие десятилетия.

* * *

¹ Головнев А.В. Бьярмия: неоконченная сага о северной земле // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8: Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. С. 8–9.

² Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 11–12. С. 24.

³ Щербачев Ю.Н. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. М., 1893. С. 149.

⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 210.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ Там же. С. 211–212.

⁷ Там же. С. 212–213.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ Там же.